

Ренате Беленчикова

Интернациональные элементы в русской языковой номинации

Studia Rossica Posnaniensia 25, 189-196

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

INTERNATIONAL ELEMENTS IN THE NAMING SYSTEM OF RUSSIAN

РЕНАТЕ БЕЛЕНЧИКОВА

ABSTRACT. The author has carried out an analysis of internationalization processes in the naming system of contemporary Russian. The identification of international elements in Russian follows its confrontation with German.

Renate Belentschikowa, Humboldt-Universität zu Berlin, 0-1086 Berlin, Unter den Linden 6, Deutschland.

На протяжении последних лет наблюдается интенсивный процесс вхождения России в европейскую семью, когда современным отношениям Востока и Запада вменяется особая роль. Некоторые лингвисты и публицисты полагают, что в этом процессе развивается интернациональный фонд лексики, формируются некие общеевропейские черты языков (пользуясь выражением П. Брауна и др. – *das Gemein-Europäische*¹). В связи с этим возникает вопрос о научном определении понятия „интернационализм”. В литературе по данной тематике часто пишется об „интернациональных словах/морфемах” какого-либо языка. Однако интернационализм – это абстракция от слов/морфем нескольких языков. Интересные мысли в этом направлении предлагает Б. Шедер; он исходит из условных межъязыковых уровней (*Inter-Langue-Ebenen*), которые характеризуются – параллельно к языковым уровням реальных языков – т.н. интерлексемами, интерморфемами и интерфонемами. На этой основе он под термином „интернационализм” понимает „eine interlinguale Einheit von jeweils unterschiedlicher Komplexität (z. B. Intermorphem, Interlexem), die durch einander

¹ См.: P. Braun, *Internationalismen – gleiche Wortschätze in europäischen Sprachen*. In: *Internationalismen: Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikografie*, Tübingen 1990, с. 13-14.

entsprechende, d.h. (formal) kongruente und (inhaltlich) äquivalente monolinguale Einheiten gebildet wird"².

Эти мысли требуют уточнения в том, что соответствующие друг другу представители данных интернационализмов в разных языках характеризуются семантической близостью (не обязательно полной эквивалентностью) и встречаются в не менее, чем трех неблизкородственных языках. Таким образом, понятие „интернационализм” всегда остается относительным, применяемым к кругу выбранных исследователем неблизкородственных языков, которые подвергаются синхронному межъязыковому сопоставлению. Путем сопоставительного анализа можно выделить в сравниваемых языках такие наименования, которые не удовлетворяют всем признакам интерлексемы, но по своей семантике и отчасти по своей структуре выявляют черты, по которым они сходны и входят в некий абстрагированный „интернациональный фонд” лексики. Подобные черты, которые в дальнейшем будем условно называть „интернациональными элементами”, частично восходят к совместным генетическим корням, а отчасти объясняются параллельным развитием сравниваемых языков или разного рода калькированием – в то время как настоящие интерлексемы возникают в результате материального заимствования, а также – в связи с формированием интернациональных терминосистем – путем словообразования с помощью интерморфем (чаще всего, греко-латинского происхождения).

В качестве „интернационального элемента” может рассматриваться уже одна понятийная семантика многочисленных наименований. Эти наименования представляют интернациональный понятийный состав. Тем самым они отличаются от наименований для понятий, которые специфицированы не во всех из сравниваемых языков – напр., в немецком, в отличие от славянских языков, специфицированы понятия и лексемы *Finger* (палец у руки) и *Zehe* (палец у ноги), ср., напр., польск. *palec*, болг. *пръст*.

В отношении языковых средств номинации таких „интернациональных” понятий рисуется пестрая картина. В одних языках имеем дело с интерлексемами, другие языки именуют данное понятие собственными языковыми средствами: для сравнения приведу английское (*blood-donor*), русское *донор* и немецкое *Blutspender*, болгарское *кръводарител*, ср. по-польски *krwiodawca*. (О возможной сходной мотивации, которая появляется в трех последних примерах, речь еще будет ниже. Этот

² B. Scheader, *Versuch einer theoretischen Grundlegung der Internationalismenforschung*. In: *Internationalismen: Studien zur interlingualen Lexikologie und Lexikografie*, Tübingen 1990, с. 46.

совместный понятийный состав все расширяется за счет наименований новых понятий и реалий, которые возникают сначала в одних коммуникативных сообществах и переходят в другие.

Как пишет П. Браун, „die weitaus größere Zahl der Internationalisten referiert [...] auf international relevante Weltgegebenheiten mit gleichen/ähnlichen kulturellen, sozialen und politischen Kontexten; dies vor allem auf der Ebene der Denotate, der begrifflichen Erfassung der Welt durch Sprache“³. Проиллюстрирую это на немецких наименованиях *Zivildienst*, *Wehrersatzdienst*.

В трехтомном *Немецко-русском словаре*⁴ этому наименованию дается русское соответствие только в форме перифразы („специальная обязательная служба в случае отказа от несения военной службы“). В последнее время в русской публицистике появляются попытки номинации этого явления многословным наименованием – теперь уже с целью уточнения по имеющемуся в международном обиходе образцу появившейся в Советском Союзе реалии: „Армия должна быть переведена на профессиональную основу [...]. 'Альтернативная служба' должна стать реальностью” („Московские новости”, № 52, 31.12.78, с. 3). Источником русской номинации этой реалии послужило, очевидно, немецкое наименование *alternativer Wehrdienst*. Такие соответствия возникают различным путем:

- материального заимствования (*Materialentlehnung*),
- словообразовательного калькирования (*Lehnübersetzung*),
- полукалькирования (*Lehnbildung*) или
- созданием нового наименования по понятийному образцу чужого наименования (*Lehnschöpfung*).

Таким образом, создаются соответствия наименованиям чужих реалий или понятий, которые в русском языке еще не выделились или еще не узуализированы. С точки зрения двуязычной опосредованной коммуникации (трансляции) и международной коммуникации вообще, в таких случаях возникает проблема временной нулевой эквивалентности, когда переводчику – или же, например, корреспонденту-международнику – необходимо создать и внести в обиход речевое соответствие по уже существующему в исходном языке наименованию. Подобные наименования могут первоначально носить окказиональный характер, а затем – в зависимости от потребностей номинации – постепенно становиться фактом лексикона.

В качестве примеров можно назвать новые в русском языке наименования реалий и понятий, связанных с мирной революцией

³ P. Braun, указ. соч., с. 18.

⁴ *Deutsch-russisches Wörterbuch*, Bd. 1-3, Berlin 1983.

в бывшей ГДР, напр.: *полоса смерти*⁵ (Todesstreifen), *волна выездов* (Ausreisewelle) как кальки (Lehnübersetzung), *финансовый союз* (Währungsunion) как полукалька (Lehnübertragung), *опекунский совет*⁶ (Treuhandaanstalt) как неосемантизм (новое значение словосочетания, уже существующего в русском языке как историзм) по понятийному образцу чужого наименования (Lehnschöpfung). С другой стороны, иллюстрацией появления языковых параллелей могут послужить немецкие кальки для номинации советских реалий времен перестройки: Schattenwirtschaft (*теневая экономика*), Unionsvertrag (*союзный договор*), Umgestaltungsprozesse (*перестроечные процессы*) и многие другие.

Подобное взаимовлияние номинаций разных языков, влияние чужих или даже интернациональных номинативных образцов и его реализация в заимствовании, калькировании и т.п. сказывается на структуре наименований какого-либо конкретного языка и позволяет выделять в ней языковые параллели и „интернациональные элементы”.

Свою языковую манифестацию интернациональное влияние на русскую номинацию находит, по моим наблюдениям, в следующих „интернациональных элементах”, раскрывающихся на разных уровнях сопоставительного анализа:

1) в ономаσιологической структуре наименований (по термину М. Докулиля⁷), далее, уже на более конкретном уровне,

2) в мотивации наименований,

3) в (абстрагированной от конкретных формантов) словообразовательной или – шире – номинационной структуре наименования, которая характеризуется его мотивацией и данным словообразовательным способом (способом наименования),

4) в морфемном составе наименования, т.е. в наличии представителей т.н. интерморфем.

Как уже упоминалось, идентификация интерлексем и интерморфем, а также других „интернациональных элементов”, становится возможной при помощи метода межязыкового сопоставления. Это будет показано в дальнейшем только на синхронном сопоставлении соответствующих друг другу русских и немецких наименований. Путем такого сопоставления раскрываются немецко-русские и русско-немецкие

⁵ „... Обнажившиеся полосы смерти, где беглецов реального социализма пограничники отстреливали как зайцев в луче прожекторов”, „Новое время” 1990, № 42, с. 18.

⁶ „... Специально созданный государственный орган по приватизации экономики бывшей ГДР”, „Комсомольская правда”, 1.3.1991. В связи с этим примером ставится вопрос о том, отражает ли наименование существенные признаки денотата или же оно является ложным и дезориентирует воспринимающего.

⁷ Ср. Tvoření slov v čestine, т. 1, Teorie odvozování slov, Praha 1962.

языковые параллели (независимо от языка-источника⁸), а также структурно-типологические черты, специфичные только для одного из рассматриваемых языков. Для того, чтобы выявить конкретные „интернациональные черты” определенного круга наименований, следовало бы расширить подобный анализ на другие избранные, неблизкородственные языки. В данной статье иллюстрируются только принципиальные возможности такого подхода.

Интернационально сопоставимая ономаσιологическая структура может реализовываться в русском и в других языках различными способами номинации. На одинаковой ономаσιологической структуре могут основываться, в частности, немецкие сложные слова и русские многословные наименования. При этом ономаσιологический базис, определяемое (determinatum), выражается в немецком опорным компонентом сложного слова, а в русском стержневым словом словосочетания. Ономаσιологический признак, определяющее (determinans), представлен в немецком первым, определяющим компонентом сложного слова, а в русском – атрибутивным компонентом словосочетания (прилагательным – чаще: относительным – или существительным в форме родительного падежа).

Сравним следующие общественно-политические наименования: Euro-parat – *Европейский совет*, Handels- und Wirtschaftssanktionen – *торгово-экономические санкции*, Abrüstungsprozeß – *процесс разоружения*, Menschenrechtsverletzung – *нарушение прав человека*, Reformpolitik – *политика реформ*, Sicherheitspolitik – *политика безопасности*, Feindbild – *образ врага*, Steuerreform – *налоговая реформа*, Mehrparteiensystem – *многопартийная система*, (neue) Weltordnung – *(новый) мировой порядок*, europäische Staatengemeinschaft – *общеевропейская конфедерация государств*, Naturschützer – *защитник природы*, ökologisches Notstandsgebiet/Katastrophengebiet – *зона экологических бедствий*.

Однако именно в области общественно-политических терминов и штампов также и в немецком укоренились крылатые слова и другие словосочетания, обладающие различной степенью устойчивости и носящие, отчасти, фразеологические семы, напр.: eiserner Vorhang – *железный занавес* (Черчилль), Neues Denken – *новое политическое мышление*, gemeinsames europäisches Haus – *общий (общий европейский) общеевропейский дом* (Горбачев), gesamteuropäische Strukturen – *общеевропейские структуры*, friedliche Revolution – *мирная революция*⁹.

⁸ Не учитываются также термины – например, в области международного права – и их кодифицированные эквиваленты, которые поддаются сознательной обработке, в т.ч. и международными комиссиями.

⁹ „... Мирная революция в Советском Союзе и странах восточного блока”, „Московские новости” 1992, № 2, с. 3; „Но вот прошло менее года после мирной революции в ГДР...” „Новое время” 1990, № 42, с. 18.

Мотивация сопоставимых наименований может, однако, выражаться в одном из языков более дифференцированно или частично расходиться: ср. Landtagswahlen (первый компонент называет избираемый государственный орган) – *земельные выборы* (административный участок, в котором проводятся выборы)¹⁰; Streikkomitee – *штаб забастовщиков* (помимо наименования *забастовочный комитет*), Streikforderungen – *требования бастующих*. (В русском языке, где только в последнее время возрастает необходимость в таких номинациях и повышается их употребительность, как определяющий компонент выступает наименование лиц – забастовщик, бастующий –, в то время как в немецком называется сам процесс, и первый компонент *Streik*-приобрел в сложных словах серийный характер).

В других сопоставимых наименованиях одинаковое понятие выражается разными словообразовательными способами, мотивация только частично совпадает. Примером для этого могут служить русские суффиксальные образования и немецкие сложные слова – соотношение которое довольно часто наблюдается в сопоставлении эквивалентных русских и немецких наименований, ср., напр., наименования лиц: *каратист* (Н-80)¹¹ – Karatekämpfer, *кактусист* (НСЗ-70)¹² – Kakteenfreund, -züchter, *антенщик* (Н-81) – Antennenbauer, *бензопильщик* (Н-81) – Motorsägeführer. В русских производных ономасиологический базис выражается суффиксом, в то время как в немецких соответствиях он конкретизируется опорным компонентом сложного слова.

Далее, во многих наименованиях наблюдается одинаковая для многих языков, „интернациональная” словообразовательная структура (см. выше), реализуемая или интерморфемами или/и отчасти собственно русскими (или, соответственно, немецкими) морфемами, ср.: *методист* – Methodiker, *экономист* – Ökonom, (*бомбить*) *бомбаж* (М)¹³ – (bombardieren) Bombardement, (*кануэ*) *кануист* (М) – (Kanue) Kanute; *авиамот* – Luftbrücke (но англ. air-lift), *авиакомпания* – Fluggesellschaft (но англ. air-line), *метеоспутник* – Wettersatellit, *веллобол* – Radball, *слайдфильм* помимо *диафильм* – Diafilm, *слайдпроектор* – Diaprojektor.

¹⁰ Зарегистрировано также и соответствие „выборы в ландтаг”.

¹¹ *Новое в русской лексике. Словарные материалы-80*, Москва 1984. Ср. также: *Новое в русской лексике-77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84*, Москва 1980, 1981, 1982, 1984, 1986, 1987, 1989.

¹² *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов*, Москва 1984.

¹³ Г. Милейковская, К. Казем-Бек, И. Домбровская, Л. Гаевская, *Материалы для словаря русского языка 70 и начала 80 годов XX века*, т. I, Варшава 1988.

Появляющиеся в некоторых примерах связанные и сокращенные первые компоненты интернационального характера уже были предметом отдельного рассмотрения. Здесь хочу упомянуть только то, что их значение по сравнению с субстантивными первыми компонентами в немецком является более обобщенным, амбивалентным, чем расширяется семантическая сочетаемость этих русских морфем (ср. *авиамот* – *авиакомпания* – *авиаколлекционер* – *авиапутешественник* – *авиадиспетчер* – *авиарботник* – *авиаспециалист* и мн. др.).

Словообразовательная структура может в сопоставимых языках различаться отношениями опосредованной мотивации, например, нем. *arrangieren* – *Arrangeur*, но рус. *аранжировать* – *аранжировка* – *аранжировщик* (М), нем. *massieren* – *Masseur*, но рус. *массировать* – *массаж* – *массажист*. В этих примерах немецкое наименование лица по действию (*nomen agentis*) произведено непосредственно от глагольной основы, а русское *nomen agentis* произведено от т.н. синтаксического деривата, отглагольного отвлеченного существительного.

От этих наименований следует отличать новообразования на русской почве с помощью интернациональных основ и словообразовательных средств, например, неологизмы – наименования лиц *гобеленист* (Н-84), *аквариумист* (М), *кактусист* (НС3-70), *календарист* (Н-83), *керамист* (Н-77), *нарколог* (М) и мн. др.

Словообразовательные интерморфемы уже настолько вжились в русском языке, что во многих новообразованиях сочетаются и с русскими основами, напр. *вещизм*, *вещист*, *вещеман*, *вещемания*, *книгоман*, *водофоб*. Отчасти подобные гибридные образования стилистически окрашены; это явно видно, например, в новообразованиях на *-лог*, не соотносимых с наименованиями на *-логия*, напр. (шутл.) *кинолог* (Н-79), (окк.) *криколог* (Н-78), но ср. *метеоритолог* (НС3-70).

В номинации под иноязычным влиянием заимствованные основы, интерморфемы и собственные ресурсы языка сложно переплетаются, причем в сопоставимых языках номинация осуществляется в этом отношении по-разному. Например, основа русского неологизма (наименования лица) *скейтбордист* (Н-83) восходит к английскому слову *skateboard*, которое заимствовано и немецким языком. Но само устройство, которым пользуется данное лицо, называется (по данным ежегодника *Новое в русской лексике-84*) собственно русским многословным наименованием *роликовая доска* (ср. *ролики*) или заимствованным из английского и переосмысленным словом *роллинг*.

Интерлексемы соперничают с собственно русскими наименованиями по чужому понятийному образцу (*Lehnschöpfung*), ср. *aerobics* – *Aerobik*

– *аэробика* и синоним *ритмическая гимнастика* и возникшие в результате универбации *ритмогимнастика* и *ритмика*₂. (Последние наименования восходят к названию *rhythmische Gymnastik*, введенному в свое время в ГДР в соответствии с общим стремлением отграничения от западных культурных явлений.) Как мне кажется, историко-конфронтативный метод может целесообразно дополняться синхронным сопоставлением номинации неблизкородственных языков с учетом ее динамики.